C 18/177

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

2007099419

С 18/177.

Н. Загоскинъ. Исторія права Московскаго государства. (Извѣстія и ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета. 1877, № 2 и отдѣльно—Казань, 1877, 344 стр.).

Спѣшимъ ознакомить читающую публику и, преимущественно, университетскихъ слушателей съ новою попыткою цѣльнаго изложенія одного изъ періодовъ исторіи русскаго права. Наша наука такъ небогата учебными пособіями, что до сихъ поръ приходится указывать на старинный учебникъ Рейца, не упоминая о позднѣйшей попыткѣ М. М. Михайлова. Молодой казанскій ученый, уже заявившій себя двумя выпусками сочиненія: „Уставныя Грамоты“ (Казань 1875—76), довольно значительною монографіею: „Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія“, Казань 1876, и двумя меньшими („О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ Государствѣ“, Казань 1877; „Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права Славянъ....“ Казань 1877), теперь выступаетъ сразу съ большимъ организаторскимъ предпріятіемъ въ области этой науки. Работа его посвящена только праву Московскаго Государства. Однако и за то ему большое спасибо; въ значительной части исполненія эта работа очень полезна для только что начинающихъ изучать исторію русскаго права, и мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ ее своимъ слушателямъ.

Но какъ приступающіе къ изученію науки сами не въ состояніи отличить истину отъ положеній сомнительныхъ и отчасти невѣрныхъ, то мы и должны здѣсь сдѣлать тѣ оговорки, безъ которыхъ не можетъ обойтись названная книга какъ учебное пособіе. Учебникъ долженъ заключать въ себѣ только безспорныя и доказанныя истины. Поэтому

просимъ почтеннаго автора имѣть въ виду, что наши дальнѣйшія замѣчанія дѣлаются лишь по указанной настоятельной причинѣ придать его книгѣ учебное значеніе (быть можетъ вопреки его собственнымъ намѣреніямъ).

Авторъ начинаетъ съ дѣленія исторіи русскаго права на періоды и совершенно основательно слѣдуетъ при этомъ принятому въ послѣднее время дѣленію этой науки на крупныя части вмѣсто прежняго дробнаго и мелкаго дѣленія. Это послѣднее неудобно и въ русской политической исторіи; изъ періодовъ и главъ писатели сами себѣ создавали произвольныя баррикады для связнаго и безостановочнаго теченія ихъ собственной мысли. Въ исторіи же права такой пріемъ совсѣмъ никуда не годится; онъ заставляетъ автора въ каждой части невольно повторять одно и тоже, потому что развитіе юридическихъ нормъ совершается съ величайшею медленностію. Цѣлые вѣка едва даютъ въ результатѣ какой либо новый типъ этихъ нормъ, способный обозначить собою новую эпоху. Г. Загоскинъ дѣлитъ исторію русскаго права на три періода, которые называются у него такъ: „періодъ до-Московскій или удѣльно-вѣчевой, періодъ Московскій или Царскій и наконецъ періодъ Санктъ-Петербургскій или Императорскій". Первый періодъ, говоритъ онъ, называютъ еще, но „не совсѣмъ удобно", княжескимъ.

Не будемъ останавливаться на *названіяхъ* періодовъ, ради ихъ самихъ; отмѣтимъ только, что принятое г. Загоскинымъ названіе перваго періода отнюдь не выражаетъ всѣхъ типическихъ сторонъ права того времени.

Еще менѣе нужно бы говорить о названіяхъ другаго періода: „Московскій или Царскій" (такъ какъ дѣйствительно въ понятіи—Московское Государство—совмѣщаются всѣ отличительные признаки права той эпохи), если бы чрезъ это названіе не обнаруживался громадный пробѣлъ въ цѣлой концепціи науки у нашего автора. Явленія перваго періода унаслѣдованы не однимъ Московскимъ государствомъ. Въ этомъ послѣднемъ съ большою крайностію выразилась лишь одна сторона началъ русскаго права, положенныхъ въ первомъ періодѣ. Столь же крайнее выраженіе другихъ сторонъ русскаго права дано въ другомъ русскомъ государствѣ, современномъ Московскому, именно—Литовско-Русскомъ. Безъ совмѣстнаго и параллельнаго изученія права того и другаго государства не можетъ быть понятно ни каждое изъ нихъ въ отдѣльности, ни право Имперіи, совмѣстившее ихъ, ни общій ходъ развитія русскаго

права въ цѣлой исторіи его. Опущеніе исторіи Литовско-Русскаго права, не только уменьшаетъ курсъ количественно, но существенно вредитъ его качествамъ. Словомъ мы настаиваемъ здѣсь на томъ, что давно уже признано историками Россіи, т. е. что исторія Литовско-Русскаго Государства есть *органическая* часть Русской исторіи.

Третій періодъ авторъ называетъ „Санктъ Петербургскимъ или Императорскимъ". Терминъ: „С.-Петербургскій" очевидно взятъ въ параллель термину: „Московскій". Мы не стали бы спорить противъ допущенія этого термина, если бы тутъ не вкралось одно значительное недоразумѣніе: второй періодъ называется Московскимъ потому, что цѣлое государство носило это названіе, а не отъ города—Москвы. Нашъ же авторъ имя третьяго періода пріурочиваетъ прямо къ городу С.-Петербургу и начинаетъ его съ момента основанія этого города: „Начальный пунктъ С.-Петербургскаго періода, говоритъ онъ,—*фактъ основанія новой столицы С.-Петербурга*, относящійся къ 1703 году". (Стр. 11). Читатель или учащійся можетъ впасть въ великое заблужденіе, подумавъ, что именно отъ основанія новой столицы произошли всѣ типическія измѣненія во всѣхъ правовыхъ отношеніяхъ, которыми характеризуется періодъ Имперіи.

Это приводитъ насъ къ другому замѣчанію, касающемуся вопроса о *предѣлахъ* трехъ періодовъ. Давно извѣстно, что указаніе границъ періодовъ можетъ быть сдѣлано лишь условно. Если даже крупныя событія политической исторіи не даютъ права опредѣлить по нимъ *годы* начала и конца періодовъ, то тѣмъ менѣе возможно это въ исторіи права, гдѣ такихъ крупныхъ переворотовъ не совершается. Между тѣмъ нашъ авторъ стремится именно опредѣлить *годы* конца и начала періодовъ. „Итакъ *1462 годъ, т. е. годъ восшествія на престолъ в. к. Іоанна III* смѣло (?) можетъ быть признанъ за начальный пунктъ Московскаго періода русской исторіи" (стр. 10). Это уже слишкомъ *смѣло*. Предъ тѣмъ самъ авторъ съ недоумѣніемъ остановился на времени отъ татарскаго завоеванія до Іоанна III и сказалъ, что эту эпоху „было бы *крайне цѣлесообразно* выдѣлить въ особый переходный періодъ" (стр. таже). Но это онъ предоставляетъ полному курсу исторіи русскаго права, какъ будто полный курсъ науки не долженъ подчиняться той схемѣ ея, которую онъ теперь даетъ. Иначе къ чему вся эта схема? Мы съ своей стороны *смѣло* можемъ заявить, что XIV-й и первая половина XV вѣка относятся по характеру правовыхъ явленій

во всей С.-Восточной Руси къ одному типу со 2-й пол. XV, съ XVI и XVII вв. Все вниманіе историка поглощается созданіемъ и развитіемъ Московскаго Государства съ его характерными особенностями. Если въ то время продолжали существовать вѣчевыя формы въ В. Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ, то онѣ существовали еще и послѣ *1462 года* Именно послѣ этого года возникли существеннѣйшіе продукты вѣчевой организаціи—Новгородская и Псковская Судныя Грамоты. Итакъ мы съ своей стороны предполагаемъ отодвинуть начало Московскаго періода къ началу XIV в. Но если бы насъ спросили: къ какому именно году, то мы отказались бы дать отвѣтъ.

Мы уже говорили, что начало періода Имперіи авторъ указываетъ въ 1703 годѣ, именно въ основаніи С.-Петербурга.

Въ краткихъ *характеристикахъ* каждаго періода авторъ коснулся почти всѣхъ вопросовъ т. н. внутренней исторіи права. Но такъ какъ эти характеристики дѣлаются лишь мимоходомъ, то по поводу ихъ нельзя намъ слѣдить за авторомъ во всѣхъ сторонахъ и эпохахъ исторіи права. Ограничимся оговорками относительно положеній особо выдающихся.

Авторъ усвоилъ (и утрировалъ) мысль *о договорномъ началѣ* общества, какъ основной чертѣ перваго періода. Но писатели у которыхъ онъ встрѣтилъ эту мысль (Б. Н. Чичеринъ и В. И. Сергѣевичъ) не отвергали въ тоже время совмѣстнаго существованія другихъ началъ въ основѣ общества, особенно же начала *силы*. Нѣкоторые изъ нихъ даже неумѣренно преувеличивали это послѣднее. Во всякомъ случаѣ возвращеніе къ чистой теоріи Руссо (contrat social) подозрительно безъ всякой предварительной провѣрки, которая, конечно, была бы неумѣстна въ этой короткой замѣткѣ.

Отсюда противоположность перваго періода второму, на которую указываетъ авторъ, далеко не такая рельефная, какъ ему кажется. Пріурочивая принципъ силы и принужденія къ Московскому Государству, какъ принципъ новый, чуждый первому періоду, онъ долженъ былъ указать и источникъ его не первородный, лежащій въ существѣ общества, а случайный, именно внѣшній историческій фактъ — татарское завоеваніе. Это и привело его къ усвоенію извѣстной теоріи Н. И. Костомарова. Ее онъ усвояетъ въ принципѣ вполнѣ на стр. 2—3 („совершенно иной порядокъ жизни начинаетъ слагаться въ русской землѣ послѣ покоренія ея татарами....“); съ нею же онъ споритъ на

стр. 13. Отсюда противорѣчія, тѣмъ яснѣе бросающіяся въ глаза, чѣмъ короче и сжатѣе очеркъ внутренней исторіи, сдѣланный г. Загоскинымъ. Напр: „очевидно, что при господствѣ въ древней русской жизни договорнаго начала, не могло быть и рѣчи о самодержавіи верховной власти, такъ какъ воля князя, въ нормальномъ проявленіи ея, могла лишь на столько заявлять себя въ сферѣ государственной жизни, на сколько согласовалась она съ волею земщины, выражавшеюся въ непосредственномъ органѣ послѣдней—вѣчѣ“ (стр. 2). Съ другой стороны онъ же говоритъ: „Владычество татаръ способствовало развитію самодержавной власти государей Московскихъ—объ этомъ не можетъ быть и спора,—но оно способствовало только *развитію* ея,—самая же идея самодержавія государственной власти существовала въ русской землѣ задолго до погрома татарскаго“ (стр. 23). Разумѣется авторъ не могъ забыть того, что̀ сказалъ десятью страницами раньше и старается какъ-нибудь согласить ихъ содержаніе; и при этомъ опять указываетъ на внѣшній источникъ идеи самодержавія—византійское вліяніе. Этимъ указанное противорѣчіе только замаскировывается для глазъ читателя, но не уничтожается, потому что если идея самодержавія лежала лишь въ книгахъ, да въ головахъ нѣсколькихъ немногихъ, то этого нельзя принимать въ разсчетъ въ исторіи права.

Замѣтимъ еще неточность выраженія: „о самодержавіи верховной власти не могло быть и рѣчи.“ Верховная власть всегда самодержавна, будетъ ли она состоять изъ вѣча и князя, или изъ единаго царя; г. Загоскинъ конечно хотѣлъ говорить *о формахъ* верховной власти, а не *о правахъ* ея.

На этомъ мы должны бы покончить съ общею частію нынѣ изданнаго выпуска курса г. Загоскина, который, какъ сказано, посвященъ собственно исторіи права Московскаго Государства и прежде всего „внѣшней.“ Но авторъ не счелъ возможнымъ приступить къ этой послѣдней безъ предварительнаго изложенія „историческихъ условій и явленій, содѣйствовавшихъ успѣху Московской централизаціи“, что̀ и составляетъ вторую главу его введенія. О самомъ содержаніи этой главы мы говорить не будемъ: она заключаетъ въ себѣ общеизвѣстныя мнѣнія о владычествѣ татаръ, византійскомъ вліяніи, личномъ свойствѣ князей Московскихъ, содѣйствіи духовенства и прочаго населенія къ успѣху *Московской централизаціи*. Отмѣтимъ только неясность этого послѣдняго термина: разумѣется ли подъ нимъ образованіе единаго

государства, или происхожденіе и развитіе монархической власти? Авторъ не даетъ намъ въ томъ яснаго отчета. Въ началѣ главы подъ централизаціею онъ именно разумѣетъ образованіе единаго государства изъ нѣсколькихъ удѣловъ и земель: „мы должны, говоритъ онъ, разсмотрѣть вопросъ о возникновеніи единодержавнаго Московскаго Государства... Короче говоря, мы должны обратить наше вниманіе на крайне знаменательный и любопытный историческій процессъ, извѣстный подъ именемъ Московской централизаціи“ (стр. 12). Но далѣе на слѣд. страницахъ онъ уже говоритъ не о томъ, а о происхожденіи самодержавія, т. е. монархической неограниченной государственной власти. Какъ будто это все равно, какъ будто образованіе одного большаго государства и образованіе такой или другой формы государственной власти въ немъ—предметы однозначущіе!

Но упомянутою 2-ю главою введенія мы заинтересованы съ другой стороны, именно насъ занимаетъ вопросъ, зачѣмъ она понадобилась здѣсь, если авторъ намѣревается излагать лишь внѣшнюю исторію права? Все содержаніе этой главы есть одна изъ существенныхъ частей внутренней исторіи; вопросы о государственной территоріи и верховной власти суть, конечно, главные вопросы этой послѣдней. Это принуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о давно принятомъ *раздѣленіи исторіи права на внѣшнюю и внутреннюю*, которому слѣдуетъ и нашъ авторъ, при чемъ внѣшняя обыкновенно излагается прежде внутренней.

Внѣшнею исторіею называется исторія источниковъ права; внутреннею—исторія прочихъ сторонъ его. Почему выдѣляется одна нераздѣльная и органическая часть права отъ всѣхъ прочихъ? На это, очевидно, нѣтъ никакихъ резонныхъ основаній. Напротивъ есть всѣ основанія не выдѣлять ихъ одну отъ другой. Указанный примѣръ г. Загоскина убѣждаетъ, что нѣтъ никакой возможности приступить къ изложенію внѣшней исторіи, не коснувшись внутренней въ самыхъ существенныхъ ея частяхъ. И дѣйствительно,— источники права суть: обычное право, законъ и наука, и то и другое и третье развиваются въ тѣснѣйшей связи съ государственными формами; вырвать ихъ изъ этой среды, значитъ лишить ихъ почвы и начать разсказъ: „въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ“.... Но лучше скажемъ словами самого автора: „Законодательство каждаго народа стоитъ въ самой тѣсной связи съ историческою жизнію его; малѣйшія измѣненія, малѣйшія колебанія этой жизни немедленно отражаются на законода-

тельствѣ, вліяя на характеръ и ходъ его жизни“ (стр. 97). Самыя названія: „внѣшняя“, „внутренняя“ исторія не имѣютъ никакого резона: явленія обычнаго права, движеніе законодательства—такія же явленія внутренней жизни общества, какъ и развитіе органовъ и функцій административной и судебной власти и т. д.

Повторяемъ, что этотъ установившійся обычай въ наукѣ общераспространенъ и наше замѣчаніе обращается къ г. Загоскину только потому, что и онъ подчинился ему. Наши историки взяли этотъ обычай у историковъ римскаго права, которые могутъ для себя представить резонныя оправданія взятыя изъ свойствъ ихъ науки. Они, особенно германскіе историки римскаго права, имѣютъ предъ собою не исторію права въ Римѣ, а исторію римскаго права въ цѣломъ мірѣ. То право такъ отвлеклось отъ временныхъ и мѣстныхъ условій латинской жизни, что почти нѣтъ уже нужды излагать его въ связи съ измѣненіемъ государственныхъ формъ въ древнемъ Римѣ.

Для насъ же, историковъ отечественнаго права, нѣтъ такихъ извиненій. Въ частности г. Загоскинъ, кромѣ указанной главы о централизаціи, принужденъ былъ въ своемъ отдѣлѣ „внѣшней исторіи“ права, и уже не во введеніи, ставить слѣд. вопросы: „Кто былъ субъектомъ законодательной власти въ Московскомъ Государствѣ? Лица, привлекаемыя къ участію въ законодательной дѣятельности. Различіе основаній участія сословій въ законодательствѣ въ удѣльно-вѣчевой Руси и въ Московской Руси. Боярская Дума, какъ органъ законодательной дѣятельности Московскихъ Государей“. Всѣ эти вопросы составляютъ первую главу его исторіи закона въ Московскомъ Государствѣ, но всѣ они составляютъ непремѣнную принадлежность исторіи государственнаго права того времени. Авторъ принужденъ былъ и во „внутренней исторіи права“ повторять хотя и вкратцѣ опять все сказанное въ этой главѣ его внѣшней исторіи.

Но мы съ этою главою о законѣ забѣжали нѣсколько впередъ. Авторъ прежде исторіи закона даетъ намъ краткую *исторію обычнаго права* въ Московскомъ Государствѣ. Собственно нельзя назвать исторіею три страницы, посвященныя этому предмету (29—32). Нужно признаться, что это самая слабая часть курса.

Такой громадный и важный предметъ заслуживалъ бы болѣе внимательнаго, а, главное, болѣе осторожнаго отношенія къ нему. Авторъ сказалъ о немъ мало, но въ этомъ маломъ довольно ошибочнаго. Во

первыхъ онъ называетъ обычное право — „неписаннымъ правомъ“ въ противоположность закону, который онъ называетъ „писаннымъ правомъ“. Нѣтъ нужды указывать, какъ это ошибочно: обычное право можетъ быть не только записано, но приведено въ систему и формулировано, и все таки можетъ оставаться обычнымъ правомъ, не переходя въ законъ; для этого послѣдняго необходимымъ моментомъ является санкція законодательной власти. И законъ можетъ быть данъ въ словесной формѣ, но отъ того не дѣлается обычнымъ правомъ.

Неудовлетворительность главы объ обычномъ правѣ не можетъ найти извиненія въ недостаткѣ историческихъ свидѣтельствъ. Г. Загоскинъ не пользуется писанными памятниками обычнаго права той эпохи, памятниками, значеніе которыхъ для познанія обычнаго права ему хорошо извѣстно, судя по его брошюрѣ „Методъ и средства сравнительнаго изученія древнѣйшаго обычнаго права Славянъ“. Мы говоримъ о т. н. актахъ юридическихъ, т. е. актахъ разнообразныхъ юридическихъ сдѣлокъ. По нимъ онъ могъ не только изложить свойства обычнаго права въ Московскомъ Государствѣ, но и уловить историческое движеніе его, а равно и борьбу обычнаго права съ закономъ. Для этой послѣдней цѣли достаточно упомянуть о процессуальныхъ актахъ по выкупу родовыхъ имуществъ и по искамъ на основаніи давности въ сличеніи съ законами объ этихъ предметахъ, изложенными въ Судебникахъ; равн. обр. рекомендуемъ припомнить черты холопства, изложенныя въ законодательныхъ памятникахъ, и сопоставить ихъ со свойствами этого же института по обычному праву. Но мы не можемъ плодить этихъ примѣровъ, потому что не намѣрены восполнять громаднаго пробѣла, сдѣланнаго въ курсѣ г. Загоскина.

Борьба обычнаго права съ закономъ, о которой мы упомянули, вовсе ускользнула изъ вниманія автора; онъ останавливается только на положительномъ отношеніи закона къ обычному праву, не касаясь отрицательнаго, т. е. онъ говоритъ о томъ, что законъ поглощалъ въ себѣ обычное право, и не говоритъ о томъ, какъ законъ стремился оттѣснить собою обычное право. Нельзя было пропустить такого характернаго явленія, какъ ст. 97—98 Цар. Судебника, которыя санкціонируютъ только одинъ источникъ права—законъ. Да и въ томъ, что авторъ говоритъ о положительномъ отношеніи закона къ обычному праву, допущена одна значительная невѣрность. Извѣстно, что въ концѣ XVII в. начинается реформаціонное движеніе въ законодательствѣ,

которое иногда начинаетъ смотрѣть на нѣкоторые обычаи, какъ на „злодѣйство“. На этой зарѣ Петровской реформы законъ не могъ мириться съ обычнымъ правомъ и черпать изъ него все свое содержаніе; онъ становится къ послѣднему въ прямо враждебное отношеніе. Между тѣмъ нашъ авторъ говоритъ объ этомъ слѣд.: „*Уложеніе* 1649 г., *а въ еще болѣе значительной степени* Новоуказныя статьи въ весьма многихъ отношеніяхъ послужили точнымъ отраженіемъ нормъ дѣйствовавшаго въ средѣ русскаго населенія обычнаго права“ (стр. 31—32). Всего удивительнѣе, что ниже (стр. 97—98) самъ авторъ, вопреки сказанному имъ, утверждаетъ тоже самое, что̀ мы сейчасъ говорили о новоуказныхъ статьяхъ: „Послѣ изданія Уложенія 1649 г. Московское государство вступаетъ въ одну изъ эпохъ (?), предшествующихъ эпохѣ реформъ. Многія отношенія дѣйствительной жизни признаются уже мало удовлетворяющими требованіямъ вѣка (неловко сказано: „требованіямъ вѣка“ можетъ не отвѣчать устарѣвшій законъ, когда обычное право ушло далѣе его; законъ же, опережая обычное право, удовлетворяетъ требованіямъ „идеала“, какъ справедливо сказалъ самъ авторъ нѣсколькими строками раньше); появляется болѣе или менѣе сознательное стремленіе къ внесенію въ нихъ *новыхъ* началъ.... Всѣ памятники законодательства, издававшіеся въ промежутокъ времени отъ 1649 г., т. е. отъ изданія Уложенія А. М. и вплоть до единодержавнаго царствованія Петра I (1696 г.), носятъ названіе Новоуказныхъ статей“. И эти-то памятники реформаторскаго движенія выражаютъ обычное право болѣе, чѣмъ само Уложеніе!

Исторія закона въ Московскомъ государствѣ изложена г. Загоскинымъ въ пяти главахъ. Съ первою, трактующею о законодательной власти, мы уже знакомы отчасти и возвращаться къ ней не будемъ. Главная часть содержанія второй главы: „Развитіе законодательства путемъ отдѣльныхъ грамотъ“ была уже предметомъ особыхъ спеціальныхъ работъ автора, о которыхъ мы упомянули („Уставныя Грамоты“). Откладывая болѣе подробное ознакомленіе съ этими работами до другаго времени, здѣсь замѣтимъ, что значеніе грамотъ въ исторіи закона, г. Загоскинъ уясняетъ сопоставленіемъ грамотъ „съ тѣми указами и постановленіями, которыя прежде приписывались къ Русской Правдѣ и послѣ къ Судебникамъ“. Съ этимъ уже отнюдь нельзя согласиться. Тѣ постановленія, которыя „приписывались къ тексту Русской Правды“ (чего въ дѣйствительности не было; изъ отдѣльныхъ постановленій составлялись Сборники, извѣстные подъ

именемъ Русскихъ Правдъ; въ Русской Правдѣ нѣтъ вовсе центральнаго законодательнаго зерна) и указы, издаваемые послѣ Судебниковъ, суть *общіе законы*, а грамоты (жалованныя и уставныя всѣхъ видовъ) суть *привилегіи*, т. е. законы частные. Если бы авторъ не упустилъ изъ виду этой огромной разницы, то для него открывался совсѣмъ иной кругозоръ въ исторіи Московскаго закона, появился бы цѣлый рядъ вопросовъ о свойствахъ закона, развивающагося путемъ привилегій. Тогда понятно было бы громадное значеніе не только Уложенія Ц. А. М. („чтобы судъ и управа были всѣмъ равны"), но даже и Судебниковъ, которые суть ничто иное, какъ общеземскія Уставныя Грамоты. Особенно же жаль, что это общее понятіе упущено при опредѣленіи „жалованныхъ" грамотъ; ихъ значеніе для исторіи закона *совершенно обратное* значенію дополнительныхъ статей, указовъ и вообще всякаго общаго закона; въ нихъ нормою права должно быть признано не то, что̀ въ нихъ постановляется, а то, отъ чего освобождается грамотчикъ, что̀ отрицается привилегіею.

3-я глава трактующая о Судебникахъ и Указныхъ книгахъ Приказовъ, а равно и слѣдующія (4-я объ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ, 5-я о памятникахъ церковнаго законодательства) изложены съ достаточною ясностью, полнотою [1]) и б. ч. состоятъ изъ положеній и фактовъ несомнѣнныхъ и утвержденныхъ наукою. Авторъ добросовѣстно усвоитъ выводы, добытые прежнею литературою науки и тѣмъ избѣжалъ опасности увлечься въ область сомнительнаго или невѣрнаго.

Здѣсь лишь случайными недосмотрами можно объяснить тѣ отступленія отъ истинъ науки, о которыхъ мы принуждены говорить далѣе.

Такъ авторъ утверждаетъ (стр. 60), что „источниками Судебника 1497 г. послужили *памятники вѣчевыхъ законодательствъ Псковскаго и Новгородскаго*, именно Псковская *и Новгородская* Судныя Грамоты". О Псковской Судной Грамотѣ, какъ источникѣ Судебника, спора не можетъ быть; но Новгородская явилась здѣсь очевидно случайно по привычкѣ постоянно соединять эти памятники. На самомъ же дѣлѣ она ни въ какой мѣрѣ не отразилась на содержаніи Судебника; нѣтъ въ ней ни одной статьи, не только буквально, но и по смыслу соотвѣтствующей какой-либо статьѣ Судебника,—и самъ авторъ не указываетъ заимствованій изъ нея.

---

[1]) За исключеніемъ, впрочемъ, отдѣла объ Указныхъ книгахъ Приказовъ, весьма скуднаго по содержанію.

И это не случайность; Новгородская грамота и *не могла быть* источникомъ Судебника. Вся она имѣетъ учредительный характеръ, излагая только судоустройство и подсудность. Но такъ какъ вѣчевые органы суда не имѣютъ ничего общаго съ параллельными органами суда Московскаго (суды посадника, тысяцкаго, коллегія депутатовъ для доклада, обращеніе къ вѣчу за приставами и т. д.), то было бы странно, если бы Московскіе законодатели обратились къ этому источнику. Нашъ авторъ, конечно, замѣтилъ, что и изъ Псковской Судной Грамоты заимствованы только статьи, касающіяся матеріальнаго гражданскаго и уголовнаго права, а равно и такихъ общихъ вопросовъ процессуальнаго права, какъ послушество.

Нельзя не отмѣтить далѣе пріема г. Загоскина реставрировать потерянныя узаконенія в. к. Василія Ивановича [1]) по дополнительнымъ указамъ *къ царскому Судебнику* (стр. 64). Уже съ перваго взгляда кажется страннымъ, что узаконенія Василія Ивановича, миновавъ Судебникъ его сына, вновь воскресли только въ дополненіяхъ къ этому послѣднему! И дѣйствительно ссылку на соборное опредѣленіе о церковныхъ имуществахъ 1551 г., сдѣланную г. Загоскинымъ, нельзя назвать удачною. Правда въ немъ не разъ упоминается: „какъ напредь сего было при в. кн. Василіѣ Ивановичѣ“, и одинъ разъ (при воспрещеніи отчуждать въ монастыри вотчины въ нѣкоторыхъ городахъ) упомянуто „Уложеніе в. кн. Ивана Васильевича и в. кн. Василія Ивановича“. Но все это очевидно относится къ единичному закону о церковныхъ имуществахъ и притомъ не даетъ еще права предполагать, чтобы и въ этой сферѣ Василій Ивановичъ сдѣлалъ что-либо новое сравнительно съ законами его отца. Есть другой, болѣе удачный способъ возстановить приблизительно содержаніе утраченнаго памятника. Извѣстно, что всѣ законодательные сборники Московскаго государства были только сводами предшествующихъ узаконеній. При составленіи самыхъ сводовъ новой прибавки къ законодательному матеріалу почти не дѣлалось (см. у г. Загоскина объ Улож. стр. 77). Движеніе праву давали не кодексы, а отдѣльныя узаконенія. На этомъ можно построить болѣе, чѣмъ вѣроятное предположеніе, что въ Судебникѣ

---

[1]) Онъ не упоминаетъ, что Василію Ивановичу приписывается составленіе особаго Судебника, вѣроятно не довѣряя извѣстію о томъ. Но на какомъ основаніи?

1550 г. составителямъ его могутъ быть приписаны только такія постановленія, которыя прямо отмѣчены какъ новыя, или въ которыхъ отразились извѣстныя реформаторскія идеи Грознаго царя. Все же остальное, чѣмъ отличается Судебникъ 2-й отъ 1-го, должно быть признано сводомъ узаконеній отъ 1497 г. по 1550-й годъ. Разумѣется наибольшая часть ихъ должна пасть на время княженія Василія Ивановича и между прочимъ составить содержаніе его утраченнаго Судебника. Въ рукахъ составителей Судебника 1550 г. былъ не Судебникъ Ивана III, а Судебникъ Василія Ивановича.

Мы уже замѣтили, что отдѣлъ объ Указныхъ книгахъ Приказовъ у г. Загоскина не богатъ содержаніемъ; авторъ извиняется въ томъ слѣд. образомъ: „къ сожалѣнію нельзя не сознаться, что въ литературѣ почти ничего не сдѣлано для спеціальнаго изученія этихъ крайне важныхъ памятниковъ“. Но тутъ же говоритъ самъ въ прим.: „болѣе посчастливилось въ этомъ отношеніи Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, нашедшей себѣ изслѣдователя въ лицѣ Н. П. Шалфѣева“. Отчего же нашъ авторъ не воспользовался этою работою и ограничился только тѣмъ, что назвалъ памятникъ и изслѣдованіе о немъ? Между тѣмъ самъ памятникъ такъ важенъ, а работа надъ нимъ г. Шалфѣева такъ удовлетворительна, что историкъ имѣлъ полнѣйшую возможность этимъ частнымъ способомъ вполнѣ охарактеризовать всю эпоху Указныхъ книгъ. Эта Уставная книга открыла бы нашему автору почти всѣ закулисныя тайны Московскаго законотворенія,—предметъ, котораго почти не касается авторъ (о чемъ съ сожалѣніемъ скажемъ мы ниже при общей оцѣнкѣ его „внѣшней исторіи“).

Г. Загоскинъ ограничиваетъ свою рѣчь объ Указныхъ книгахъ только слѣд. замѣчаніемъ: „Нельзя не замѣтить, что *изданіе ихъ проникнуто извѣстною идеею* [1]): большая часть дополнительныхъ указовъ имѣютъ (имѣетъ) непосредственною цѣлью свою исполненіе и дальнѣйшее развитіе Судебника 1550 г.“ Трудно назвать это „идеею“. Быть можетъ авторъ хотѣлъ сказать, что Московское законодательство заявило въ указныхъ книгахъ свой вполнѣ историко-консервативный характеръ, что новыя узаконенія не отмѣняли предшествующихъ, а лишь дополняли и уясняли ихъ. Это было бы до нѣкоторый степени справедливо; но относится это не къ однимъ Указнымъ книгамъ, а ко

---

[1]) Курсивъ подлинника.

всему движенію Московскаго закона вплоть до Новоуказныхъ статей, со времени которыхъ органическое движеніе закона смѣняется реформаторскимъ, а въ формахъ закона прежняя форма—указы смѣняется новою—уставами, и наконецъ регламентами. Но объ этомъ авторъ ничего не говоритъ.

Съ другой стороны, мысль о дополнительномъ, несамостоятельномъ отношеніи Указныхъ книгъ къ Судебнику уже потому не можетъ быть принята, что авторъ соглашается съ нашимъ замѣчаніемъ объ одной изъ нихъ – Уставной книгѣ Разб. Приказа, которая очевидно составлена одновременно съ Царскимъ Судебникомъ, и не есть дополненіе къ нему.

Сказанное нами выше о необходимости включить исторію западнорусскаго права въ общую систему исторіи русскаго права получаетъ разительное подтвержденіе, когда мы встрѣчаемся у г. Загоскина съ попытками опредѣлить отношенія Московскаго закона къ Литовскорусскому (стр. 72—73). Здѣсь онъ имѣетъ въ виду извѣстныя статьи эрмитажнаго списка, включенныя въ Указныя книги Приказовъ. Онъ желаетъ объяснить ихъ яркое сходство съ соотвѣтствующими артикулами Литовскаго Статута,—сходство, отмѣченное уже издателемъ ихъ г. Бычковымъ. Задумываться надъ этимъ не слѣдовало бы; сходство объясняется просто: статьи эти выписаны изъ Литовскаго Статута. Между тѣмъ нашъ авторъ нашелъ другое, по его словамъ *весьма простое* объясненіе: „тѣсная духовная *связь связывающая* (неловко) между собою Русскую Правду, Литовскій Статутъ и дополнительные къ Судебнику указы—весьма просто объясняетъ сходство послѣднихъ какъ съ Русскою Правдою, такъ и съ Литовскимъ Статутомъ. Всѣ эти памятники въ основѣ своей имѣютъ одинъ общій источникъ — нормы общерусскаго права“. И такъ сходство объясняется „духовною связію“, и притомъ одинаковою какъ относительно Русской Правды, такъ и Литовскаго Статута. А вѣдь стóило только сличить эти статьи съ текстомъ Литовскаго Статута! Авторъ очевидно этого не сдѣлалъ; а это наводитъ самую темную тѣнь на слѣд. строки тѣхъ же страницъ у г. Загоскина: „въ Литовскій Статутъ *(1629 г.)*, составленный по повелѣнію короля Польскаго и в. кн. Литовскаго *Сигизмунда III*, вошли въ качествѣ источниковъ, съ одной стороны узаконенія королей Польскихъ и в. кн. Литовскихъ, съ другой стороны нормы права, дѣйствовавшія въ средѣ западно-русскаго населенія“. Читателю нѣтъ надобности напоминать (по крайней мѣрѣ надѣемся и желаемъ), что существуетъ

три Литовскихъ Статута: Сигизмунда I—1529 г., Сигизмунда Августа—1569 г. и Сигизмунда III—1588 г. Но этому мы расположены толковать приведенную цитату въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для нашего автора; признáемъ ее грустнымъ сцѣпленіемъ роковыхъ опечатокъ: вмѣсто 1629—поставимъ 1529, вмѣсто Сигизмунда III—Сигизмунда I. Устранивъ так. обр. это недоразумѣніе, пожелаемъ только, чтобы авторъ избѣгалъ слѣд. неточныхъ выраженій: „Литовскій Статутъ есть законодательный сборникъ находившейся подъ властію Польши Западной Руси". При изданіи 1-го Статута Литовская Русь не находилась подъ властію Польши, даже не состояла съ нею въ уніи (общеніи права); и для времени послѣ люблинской уніи нельзя употребить этого выраженія.

Говоря объ исторіи составленія Уложенія, авторъ объявляетъ члена кодификаціонной коммиссіи кн. И. И. Одоевскаго „Сперанскимъ XVII вѣка, душею и главнымъ дѣятелемъ этой коммиссіи" (стр. 77). Нужно знать, что отъ насъ рѣшительно скрыты закулисныя тайны составленія Уложенія. На какомъ основаніи отдается вся честь Одоевскому? На томъ только, что его бранилъ Никонъ и хвалилъ одинъ иноземецъ (не по поводу Уложенія). Но Никонъ бранилъ и дьяковъ (Леонтьева и и Грибоѣдова), а хвалитъ ихъ и помнитъ не нѣкоторый иноземецъ, а исторія русскаго просвѣщенія, которая знаетъ ихъ обоихъ, какъ уважаемыхъ писателей XVII в., людей образованныхъ. Нѣтъ надобности напоминать, что знатоками закона и людьми „письменными" были въ древней Руси не бояре, а дьяки.

При этомъ нельзя не отмѣтить, что авторъ объясняетъ расположенность Никона къ Одоевскому тѣмъ, „что въ Уложеніи принимаются нѣкоторыя мѣры къ ограниченію духовной власти и правъ духовенства по пріобрѣтенію недвижимой собственности" (стр. 78). Еще соборами 1551, 1580 и 1584 г. *всѣ* способы пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ были отняты у церковныхъ учрежденій (по отнюдь не у духовенства, т. е. лицъ, носящихъ духовный санъ, правъ которыхъ не касаются ни Соборы, ни Уложеніе). Какимъ же образомъ Одоевскій могъ разогорчить этимъ патр. Никона въ 1649 г.? Если въ Уложеніи повторено опредѣленіе Собора 1580 г., то самъ нашъ авторъ отмѣчаетъ (стр. 285), что это сдѣлано не по волѣ Одоевскаго, а по челобитью „выборныхъ отъ всея земли".

Переходя къ источникамъ Уложенія, и отмѣчая между ними Указ-

ныя книги Приказовъ, г. Загоскинъ говоритъ объ этомъ послѣднемъ предметѣ такъ: „насколько сохранилась связь между отдѣльными главами Уложенія и отдѣльными записными указными книгами приказовъ—рѣшеніе этого вопроса до сихъ поръ еще не было выяснено“ (т. е. слѣдовало сказать: вопросъ не рѣшенъ). Разумѣется было бы чрезмѣрно требовать, чтобы авторъ обогатилъ свой общій и т. ск. сводный курсъ спеціальными самостоятельными изслѣдованіями; но рѣшеніе вопроса, о которомъ онъ говоритъ, просто бьетъ въ глаза въ самомъ текстѣ памятниковъ,—стóитъ лишь сопоставить ихъ другъ съ другомъ. Для примѣра укажемъ на Уставную книгу Разбойнаго Приказа и XXI гл. Уложенія. И тамъ и тутъ одинъ и тотъ же текстъ съ незначительными измѣненіями относительно порядка статей? Но если авторъ отказался отъ рѣшенія этого вопроса, то нельзя не упрекнуть его за то, что онъ слѣдуя прежнимъ писателямъ, указываетъ точныя цифры статей вновь составленныхъ въ Уложеніи (19) и заимствованныхъ изъ Литов. Статута (56). Съ этой стороны Уложеніе настоятельно требуетъ новаго и точнаго изслѣдованія, или правильнѣе изданія его текста параллельно съ источниками его.

О томъ, что думаетъ нашъ авторъ о Новоуказныхъ статьяхъ, было сказано нами выше. Но именно этотъ частный примѣръ подастъ намъ поводъ сдѣлать общую оцѣнку его „внѣшней исторіи“. Отношеніе Московской законодательной власти къ праву того времени выступаетъ съ особенною отчетливостію въ этихъ „Новоуказныхъ статьяхъ“; всѣ вопросы о томъ, что называется закономъ, объ инициативѣ закона, составленіи, формѣ, утвержденіи, публикаціи его, объ обратной силѣ его,—могутъ быть уяснены на частномъ примѣрѣ Новоуказныхъ статей. Въ цѣломъ своемъ курсѣ ни однимъ изъ этихъ вопросовъ г. Загоскинъ не занимается. Какъ ни существенны указанные выше недостатки курса, но они незначительны предъ этимъ важнѣйшимъ. Въ самомъ дѣлѣ безъ уясненія перечисленныхъ сейчасъ вопросовъ, мы имѣемъ въ „Исторіи права Московскаго Государства“ исторію памятниковъ (почти литературную только), но не имѣемъ исторіи *закона* (не хотимъ опять вспоминать объ обычномъ правѣ). Не слѣдуетъ забывать, что именно при такой постановкѣ исторіи источниковъ права, она никогда не сдѣлается практически важною, не освѣтитъ современнаго пониманія источниковъ права въ нашемъ отечествѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что одного изъ этихъ вопросовъ, именно вопроса объ утвержденіи закона

авторъ коснулся въ своей 1-й гл. о законодательной дѣятельности („Характеръ законодательства Московскаго“); но только „одного“ и только „коснулся“ и притомъ далъ ему весьма спорное рѣшеніе („Государь Московскій есть непосредственный и единственный источникъ законодательной власти“; если авторъ не придаетъ никакого законодательнаго значенія ни Боярской Думѣ, ни Земскимъ соборамъ, то нужно бы ему вспомнить о томъ, что онъ самъ вводитъ въ систему источниковъ русскаго права церковные законы, которые даваемы были не царемъ).

Для того, чтобы была ясна важность указанныхъ сейчасъ вопросовъ, поставимъ ихъ съ бо́льшею подробностію: было ли въ Московскую эпоху точное понятіе о законѣ, или всякое повелѣніе, исходящее отъ верховной власти, есть законъ? Что нужно разумѣть здѣсь подъ именемъ верховной власти и всякій ли приказъ высшаго начальства есть законъ? Кто могъ побуждать законодательную власть обратить вниманіе на тотъ или другой вопросъ, требующій законодательнаго опредѣленія, или она дѣйствуетъ только по собственному почину? Допускались ли петиціи со стороны населенія, или отдѣльныхъ классовъ его? Кому принадлежало составленіе проектовъ закона? Почему въ вѣчевомъ законодательствѣ не возникало вовсе вопроса о публикаціи закона, напротивъ въ Московскомъ законодательствѣ все болѣе и болѣе возрастаетъ важность этого момента въ законотвореніи? Отъ чего въ памятникахъ Московскаго законодательства до Уложенія замѣчается съ одной стороны нерѣдкое повтореніе закона (не въ видѣ подтвержденія), а съ другой—пробѣлы ничѣмъ не объяснимые? Считалось ли тогда необходимымъ придавать постановленіямъ твердую законодательную форму (не подлежащую измѣненію иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ), или законодатель довольствовался выраженіемъ смысла, не заботясь о формѣ? Какъ возможно было измѣненіе смысла закона, или подлогъ его? Требовала ли отмѣна закона тѣхъ же условій, какъ и составленіе его? Опредѣлялся ли въ Московскомъ законодательствѣ моментъ начала дѣйствія закона и придавалась ли когда-нибудь закону обратная сила и если придавалась, то именно какого рода постановленіямъ.

Въ курсѣ г. Загоскина, говоримъ, нѣтъ отвѣта на эти вопросы, и мы ставимъ ихъ въ надеждѣ, что онъ, или другой историкъ русскаго права въ послѣдующихъ попыткахъ общихъ курсовъ, согласится из-

ложить исторію источниковъ права съ этой точки зрѣнія. Пока же будемъ довольствоваться тѣмъ, что̀ дано, и еще разъ поблагодаримъ автора отъ имени учащихся за ясное изложеніе того,—что̀ сдѣлано въ литературѣ по части исторіи памятниковъ законодательства.

Вторая половина изданнаго выпуска заключаетъ въ себѣ начало внутренней исторіи права, именно первую книгу исторіи государственнаго права „о верховной власти въ Московскомъ государствѣ".

Здѣсь съ первыхъ же строкъ авторъ сталъ лицомъ къ лицу съ важнѣйшими и коренными началами государственнаго права. Здѣсь умѣстно было ему внимательно осмотрѣть лежащую предъ нимъ нелегкую дорогу и обозначить свой путь постановкою твердыхъ и ясныхъ вопросовъ. Съ сожалѣніемъ должны мы сказать, что понятія, которыя онъ положилъ въ основу своихъ дальнѣйшихъ разысканій не отличаются должною твердостію и ясностью. Онъ раздѣлилъ свою рѣчь о верховной власти на двѣ главы: „1) существо и основы организаціи верховной власти въ Московскомъ государствѣ" и 2) „о правахъ и преимуществахъ верховной власти въ Московскомъ государствѣ". Юридическая терминологія не можетъ допустить столь шаткихъ и неясныхъ понятій, какъ „существо" и „основы организаціи". И дѣйствительно эта неясность тотчасъ отразилась на содержаніи обѣихъ главъ. О правахъ и преимуществахъ верховной власти авторъ, какъ мы видѣли сейчасъ, долженъ говорить во 2-й главѣ; между тѣмъ первую главу онъ именно начинаетъ съ изложенія правъ верховной власти (о законодательной, исполнительной и судебной власти государей Московскихъ, объ отношеніи ихъ къ церкви, отношеніи ихъ къ земскимъ соборамъ и къ думѣ боярской, наконецъ объ отношеніи ихъ къ боярамъ).

Этимъ исчерпывается весь вопросъ о правахъ верховной власти, все содержаніе понятія: „самодержаніе", такъ что для второй главы уже ничего не остается, что̀ бы оправдывало ея заглавіе, кромѣ подведенія итога къ тому, что сказано въ началѣ первой главы („безотвѣтственность" Московскаго Государя) и кромѣ такихъ несущественныхъ вещей, какъ „право на обладаніе извѣстнаго рода имуществами" и „неприкосновенность" личная. Эти двѣ послѣднія категоріи суть права не верховной власти, а лицъ, облеченныхъ верховною властію.

Так. обр. между началомъ и концомъ изложенія правъ верховной

власти вторгается рѣчь „о преемствѣ верховной власти". Авторъ почему-то находитъ этотъ порядокъ (правильнѣе отступленіе отъ порядка) „болѣе цѣлесообразнымъ" (стр. 183—184).

Слѣдовало тщательно отличать понятіе о составѣ верховной власти отъ понятія о способахъ усвоенія ея и отъ понятія о правахъ ея.

По этому для ясности дѣла мы должны сами установить порядокъ своихъ дальнѣйшихъ замѣчаній.

Прежде всего о способахъ усвоенія и передачи верховной власти.

Г. Загоскинъ, сильно колеблясь, принимаетъ, что въ удѣльно-вѣчевой періодъ признаваемо было начало родоваго преемства княжеской власти, и что избраніе было лишь фактическимъ „нарушеніемъ" этого принципа (стр. 152).

Въ Московскую эпоху авторъ признаетъ *три* дѣйствующихъ *формы преемства:* начало первородства, завѣщаніе правящаго государя и избраніе его народомъ. Назначенія в. князя волею хана въ татарскую эпоху онъ не коснулся, хотя имѣетъ дѣло и съ этою эпохою.

Соглашаемся признать эти три формы; остановимся на *взаимномъ отношеніи ихъ.* Состояніе этого вопроса въ Московскомъ государствѣ г. Загоскинъ формулируетъ такъ: „Послѣ смерти государя, наслѣдникомъ престола является старшій сынъ его, или мужское потомство послѣдняго. Если старшій сынъ умиралъ и не оставлялъ потомства мужскаго пола, въ такомъ случаѣ право на престолъ переходило къ слѣдовавшему за нимъ по старшинству рожденія брату. За *невозможностію* этой основной формы преемства престола слѣдовало назначеніе преемника самимъ умирающимъ государемъ. Наконецъ *за полною невозможностію* первыхъ двухъ формъ преемства, имѣла мѣсто третья и послѣдняя форма его—избраніе государя волею всего народа, въ лицѣ органа его—земскаго собора".

Итакъ нашъ авторъ предполагаетъ, что одна форма преемства наступала лишь тогда, когда не было на лицо другой. Сообразно съ этимъ онъ говоритъ: „*единственный* случай примѣненія формы престолонаслѣдія путемъ назначенія себѣ преемника самимъ государемъ только однажды встрѣчается въ исторіи Московскаго государственнаго права въ качествѣ формы вполнѣ самостоятельной". Это — передача Ѳедоромъ Ивановичемъ царской власти сестрѣ Иринѣ. Какъ извѣстно, этотъ „единственный случай" не удался и Ирина царицею не была. Прежде всего это — не единственный случай завѣщательнаго выбора

наслѣдника; есть другой гораздо болѣе рѣшительный. Ѳедоръ выбиралъ при отсутствіи законныхъ наслѣдниковъ, но есть случай, когда правящій государь выбралъ наслѣдника *съ отстраненіемъ* законнаго и, что еще важнѣе, отнялъ у этого законнаго избраннаго и вѣнчаннаго достоинство наслѣдника и назначилъ того, кому это право не принадлежало по закону. Этотъ общеизвѣстный фактъ изъ временъ Ивана III приводится г. Загоскинымъ на стр. 156, какъ доказательство того, „что при в. кн. Іоаннѣ III окончательно окрѣпло уже новое начало преемственности престола, т. е. законное первородство! Признаемся, что даже трудно понять, какъ „это явное нарушеніе установившагося уже новаго начала престолонаслѣдія“ (слова самаго автора на той же стр.) служитъ доказательствомъ того, что новое начало окрѣпло.

Мы думаемъ, что неудавшійся фактъ назначенія Ирины далеко уступаетъ по своей силѣ этому осуществившемуся факту свободнаго назначенія наслѣдника.

Но насъ интересуютъ не эти исключительные случаи борьбы завѣщательнаго титула съ законнымъ первородствомъ, а нормальное и постоянное отношеніе между этими титулами. Дѣйствительно ли тогда только наступало дѣйствіе завѣщательнаго права, когда было *невозможно* примѣненіе начало первородства?

Уже показанный случай при Иванѣ III ясно свидѣтельствуетъ, что и при наличности законнаго наслѣдника, въ отношеніи къ этому самому наслѣднику примѣняется другое начало—назначеніе его волею правящаго государя: Димитрій Ивановичъ, внукъ Ивана III отъ умершаго старшаго сына его,—слѣдов. законный наслѣдникъ *назначается* наслѣдникомъ волею дѣда: „Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародитель великихъ князей старина наша: отцы великіе князи сыновомъ своимъ прьвымъ давали великое княженіе, и азъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ“, такъ говорилъ Иванъ III при вѣнчаніи Димитрія въ 1498 г. Итакъ наслѣдованіе по закону (первородство) не мѣшало примѣненію въ тоже время и въ тѣхъ-же случаяхъ наслѣдованія по завѣщанію. Если бы мы спросили, какой же именно титулъ преобладалъ въ такихъ случаяхъ въ сознаніи современниковъ, то самъ авторъ отвѣчаетъ намъ, что въ первую и значительно бо́льшую половину Московскаго періода преобладалъ титулъ завѣщательный; именно г. Загоскинъ увѣряетъ насъ, что первородство *обязано своимъ утвержденіемъ—духовнымъ завѣщаніямъ* великихъ князей

(стр. 157); онъ изображаетъ довольно подробно, какъ въ этомъ отношеніи воля в. князей Московскихъ боролась со старымъ началомъ родоваго наслѣдованія (стр. 158—159). Къ этому же выводу о преобладаніи завѣщательнаго титула могли бы приводить и такія выраженія памятниковъ: „Государь нашъ князь велики Василей Дмитревичь великое княженіе далъ своему сыну великому князю Василію". Или: „симъ святымъ и животворящимъ крестомъ прародители наши великіе князи благословляли большихъ своихъ дѣтей, которымъ быти на государствѣ; меня благословилъ отецъ мой князь великій Иванъ, такожде и азъ благословляю тебя сына своего старѣйшаго... Вручаю тебѣ сіи скипетръ великіа Русіа державу, великое княженіе Владимерское и Московское и Новугородцкое и Смоленское и всея Русіа" (слова Василія Ивановича. Воскр. лѣт. подъ 1534 г.). „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? Кому хочу, тому и дамъ княжество!", говорилъ Иванъ III Псковичамъ. Не только назначеніе Василія (вопреки началу первородства), но и назначеніе законнаго Димитрія приписывается въ памятникахъ субъективной волѣ правящаго вел. князя: „Божіимъ изволеніемъ дѣдъ твой князь велики *пожаловалъ* тебя и благословилъ великимъ княжествомъ" (слова митрополита при коронаціи Димитрія). „Князь велики *пожаловалъ* сына своего Василіа, благословилъ и посадилъ на великое княженіе".

Но мы далеки отъ мысли возводить начало завѣщательнаго наслѣдованія въ единственный или по крайней мѣрѣ главный способъ передачи власти. Мы знаемъ, что такіе рѣшительные допросы отъ исторіи въ отвѣтъ на наши теперешнія понятія составляютъ пріемъ крайне неисторическій. Мы утверждаемъ (согласно съ памятниками), что до самаго Петра I завѣщательный титулъ дѣйствовалъ одновременно, въ тѣхъ же случаяхъ и съ равною силою, какъ и титулъ законнаго первородства, что наслѣдникъ усвоялъ власть столько же по праву рожденія, какъ и по волѣ предшествующаго государя. По смерти царя Алексѣя, первый вопросъ предложенный въ Думѣ патріарху былъ: „кого отецъ благословилъ на царство"? Зачѣмъ объ этомъ было спрашивать, когда Осдоръ—старшій сынъ и почему недостаточно было этого аргумента противъ партіи Петра? Г. Загоскинъ, въ доказательство окончательной крѣпости начала первородства, приводитъ тотъ фактъ, что избраніе младшаго Петра помимо старшаго Ивана вызываетъ народное волненіе, для прекращенія котораго рѣшено было возвести на престолъ

обонхъ братьевъ". Во перв. всѣмъ извѣстно, что это за „народное волненіе", и что оно было возбуждено не признаніемъ въ населеніи начала первородства. Во втор. странный выбранъ способъ удовлетворить началу первородства—посадить на престолъ *обоихъ*. Народъ, волновавшійся якобы за начало первородства противъ Петра, не волновался, когда этотъ самый Петръ совсѣмъ отмѣнилъ закономъ принципъ первородства и узаконилъ завѣщательный порядокъ.

Итакъ мы думаемъ, завѣщательное начало наступало не за *невозможностію* законнаго, что въ каждомъ случаѣ преемства дѣйствовали вмѣстѣ два равносильныя титула передачи власти, пока обстоятельства не разъединяли ихъ (въ рѣдкихъ случаяхъ), при чемъ вопросъ, какому изъ нихъ отдать предпочтеніе, рѣшался фактическими условіями.

Г. Загоскинъ весьма легко могъ бы придти къ тому же выводу, когда онъ, переходя къ вопросу о порядкѣ вступленія на престолъ, прежде всего ведетъ рѣчь о „благословеніи умирающаго монарха". (Слово „умирающаго" здѣсь лишнее). Это не обрядъ, хотя и въ обрядахъ выражаются принципы; это необходимый второй титулъ власти, ибо что такое это благословеніе, какъ не завѣщаніе?

Переходимъ въ слѣдъ за авторомъ къ третьей формѣ преемства власти: „избранію Государя волею народа". Опять нашъ авторъ, какъ мы знаемъ, допускаетъ примѣненіе этой формы *за невозможностію* двухъ первыхъ, т. е. когда не осталось ни наслѣдника по закону, ни наслѣдника по завѣщанію. Однако, что говорятъ факты? Борисъ Годуновъ выбранъ дѣйствительно при прекращеніи династіи и за отказомъ Ирины. Но сынъ его Ѳедоръ есть наслѣдникъ законный по праву первородства. Нашъ авторъ и отмѣчаетъ это (на стр. 161) и ни слова не упоминаетъ о томъ, что тотъ же законный наслѣдникъ *былъ избранъ народомъ*. Если онъ согласенъ съ И. И. Костомаровымъ въ томъ, что окружная грамота патріарха о выборѣ Ѳеодора боярами, окольничими, дворянами, всѣмъ царскимъ синклитомъ (т. е. боярскою думою вообще), гостями, торговыми людьми и всенароднымъ множествомъ Россійскаго государства, — что эта грамота заключаетъ въ себѣ одну ложь, то и тогда ему слѣдовало упомянуть о томъ и доказать. Мы же думаемъ, что трудно лгать главѣ русской церкви о событіи, бывшемъ у всѣхъ на глазахъ, въ грамотѣ, обращенной ко всему насе... Думаемъ, что здѣсь изслѣдователи подпали недоразумѣнію, приняв, что патріархъ говоритъ о земскомъ соборѣ, который, по об-

стоятельствамъ времени, отнюдь не могъ быть собранъ; патріархъ ведетъ рѣчь о дѣйствительномъ избраніи царя Думою, Соборомъ духовенства, выборными отъ города Москвы и народомъ царствующаго города. Нужно знать, что такая избирательная власть считалась тогда достаточною для законности избранія, что мысль г. Загоскина о земскихъ соборахъ, какъ единственной законной избирательной власти, принадлежитъ къ числу обобщеній, не согласныхъ съ живымъ историческимъ движеніемъ права. Законный наслѣдникъ Іоанна Грознаго—Ѳеодоръ былъ избранъ земскимъ соборомъ (1584 г. 4 мая): „молиша со слезами государя *царевича* (Грозный умеръ *17 марта*), чтобъ былъ на Московскомъ государствѣ царемъ и вѣнчался царскимъ вѣнцемъ". Послѣ избранія Ѳеодора Борисовича, обстоятельства смутнаго времени заставляли прибѣгать къ избранію постоянно лицъ новой династіи Лжедимитрія, Василія Шуйскаго, Владислава, Михаила Ѳеодоровича); но вотъ династія Романовыхъ утвердилась въ успокоившемся государствѣ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, умирая, оставляетъ законнаго наслѣдника—Алексѣя. Г. Загоскинъ и отмѣчаетъ этотъ фактъ, какъ доказательство непужности избранія при законномъ наслѣдованіи (стр. 161) и опять здѣсь ни словомъ не упоминаетъ о томъ, что Алексѣй Михайловичъ былъ избранъ *земскимъ соборомъ*. Однако въ главѣ о земскихъ соборахъ онъ не счелъ возможнымъ обойти этого факта (стр. 280—281). Тамъ онъ признаетъ, что свидѣтельство объ этомъ Котошихина не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Понятно, что тутъ автору предлежала нелегкая задача примирить такой фактъ съ тѣмъ, что онъ говорилъ въ главѣ о преемствѣ власти. Очевидно, что не въ главѣ о земскихъ соборахъ нужно было говорить объ избирательномъ началѣ преемства власти. Но оставимъ это; что же именно авторъ говоритъ о примѣненіи избранія къ наслѣднику по закону? „Не представляется положительно ничего невозможнаго въ томъ, что боярин Морозовъ, которому былъ порученъ царевичъ Алексѣй умирающимъ отцемъ его, желая придать несокрушимую опору царской власти шестнадцатилѣтняго питомца своего и будучи увѣренъ въ единодушной преданности всей земли дому царя Михаила,—пожелалъ, вмѣстѣ съ патріархомъ и боярами, придать восшествію Алексѣя на престолъ санкцію всенародной воли..." и т. д. Здѣсь есть зерно совершенно вѣрной мысли, облеченное въ форму произвольныхъ догадокъ и отчасти противорѣчій. Къ числу произвольныхъ догадокъ принадлежитъ мысль о томъ, что

избраніе Алексѣя выходило изъ инціативы Морозова; мы не имѣемъ о томъ никакихъ извѣстій. Противорѣчіе, о которомъ мы говоримъ слишкомъ явно: Морозовъ „былъ увѣренъ въ единодушной преданности всей земли дому Михаила“ и *потому* пожелалъ укрѣпить наслѣдника избраніемъ! Къ формѣ избранія прибѣгали чаще тогда, когда именно не были увѣрены въ единодушіи населенія (Ѳеодоръ Іоанновичъ [1]) Борисъ Годуновъ, Ѳеодоръ Борисовичъ). Но повторяемъ, что мысль г. Загоскина, очищенная отъ этихъ примѣсей, вѣрна: считаютъ необходимымъ придать къ титулу законнаго наслѣдованія „санкцію всенародной воли“. Мы тотчасъ выведемъ послѣдствія изъ этой мысли, а теперь пока отмѣтимъ, что и по смерти Алексѣя считали нужнымъ въ думѣ разсуждать, кому быть царемъ изъ трехъ сыновей его, и по смерти Ѳеодора засѣданіе думы открылось вопросомъ патріарха: кто изъ двухъ царевичей будетъ царемъ? на что члены думы отвѣчали: „это должно быть рѣшено людьми всѣхъ чиновъ Московскаго государства. „Подъ Московскимъ государствомъ, говоритъ С. М. Соловьевъ, разумѣли обыкновенно одинъ царствующій градъ, такъ по крайней мѣрѣ было понято тутъ“. Дѣйствительно патріархъ оповѣстилъ съ крыльца собраніе на обычномъ мѣстѣ (Красной площади) и когда вышелъ туда съ духовенствомъ и думой и спросилъ: „Кому изъ двухъ царевичей быть царемъ?“ Народъ прокричалъ: „Петру Алексѣевичу“. Съ точки зрѣнія г. Загоскина это, конечно, не избраніе; тутъ не было земскаго собора; но мы болѣе согласны съ мыслію С. М. Соловьева, только что приведенною.

Эти факты могли убѣдить нашего автора, что третья форма преемства наступала не *за полною невозможностью* двухъ первыхъ, а сопровождала ихъ и практиковалась вмѣстѣ съ ними. И не съ Бориса Годунова начинается ея примѣненіе, а съ самыхъ первыхъ временъ исторіи русскаго государственнаго права. Остановившись на этой мысли, авторъ легко уяснилъ бы для себя, какъ въ т. н. удѣльно-вѣчевой періодъ примиряется начало избранія князей съ началомъ наслѣдованія

---

[1]) „Весьма вѣроятно, говоритъ г. Загоскинъ, что среди самаго народа были партіи приверженцевъ Ѳеодора съ одной и Димитрія съ другой стороны....; въ слѣдствіе этого весьма естественнымъ было желаніе гарантировать престолъ за Ѳеодоромъ санкціею воли народной“ (стр. 225).

власти (что, какъ мы сказали уже выше, заставляетъ сильно колебаться нашего автора между двумя теоріями). Политическое наслѣдованіе въ вѣчевую эпоху требовало *признанія* наслѣдника со стороны населенія, что и выражается въ лѣтописяхъ словами „Кіевляне *посадили* такого-то на столѣ *отцовскомъ* и *дѣдовскомъ*". Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ приходилось „избирать" въ точномъ смыслѣ, т. е. отдавать предпочтеніе одному изъ двухъ или нѣсколькихъ кандидатовъ. Несомнѣнно, что даже въ татарскую эпоху посаженье князей на столъ народомъ имѣетъ именно этотъ смыслъ. Такой же первобытный смыслъ избранія проявляется со всею ясностью въ польскомъ и литовско-русскомъ правѣ, гдѣ, при господствѣ дома Ягеллоновъ, престолъ передавался по наслѣдству, но каждый разъ чины приглашались къ избранію наслѣдника.

И такъ мы думаемъ, что въ до петровской Руси начало избранія является не случайнымъ суррогатомъ, за неимѣніемъ другихъ формъ преемства власти, а органическою частію права преемства вмѣстѣ и одновременно съ двумя первыми.

Г. Загоскинъ касается далѣе и вопроса о томъ: *съ какого момента начинается власть новаго государя?* И отвѣчаетъ, что съ момента прекращенія власти предшественника. Это опять теоретическое обобщеніе, внесенное насильственно въ исторію. Историкъ долженъ бы изслѣдовать—сразу ли явился этотъ принципъ, или ему предшествовалъ на значительномъ пространствѣ времени другой. Онъ нашелъ бы, что до XVI вѣка, напротивъ, господствовало другое начало: наслѣдникъ, при жизни наслѣдодателя, признаваемъ былъ государемъ и соправителемъ съ того момента, какъ онъ признанъ наслѣдникомъ. „Благословляю *при себѣ* и *послѣ себѣ* великимъ княженіемъ", говорилъ Иванъ III Димитрію. Всѣмъ извѣстно, что Иванъ III и его старшій сынъ Иванъ оба именовались и были великими государями и правили вмѣстѣ. И г. Загоскину извѣстно, что „вѣнчаніе" (послѣдній актъ усвоенія власти) совершено было надъ Димитріемъ при жизни и въ правленіе дѣда его наслѣдодателя. Если бы онъ остановился на этихъ фактахъ, то можетъ быть пришелъ бы къ убѣжденію, что это не исключительныя явленія, а нормальный порядокъ, коренящійся въ древнѣйшемъ состояніи и основахъ русскаго государственнаго права. Общесемейное соправительство (безъ раздѣла власти или съ раздѣломъ ея по частямъ территоріи) есть основа преемственности власти въ первый періодъ. Ольга правитъ государствомъ не въ качествѣ опекунши или регентши.

Это предохранило бы нашего автора отъ такой ошибки, которую онъ допустилъ (на стр. 174) относительно перваго періода, повторивъ Карамзинскую мысль объ Олегѣ, какъ *регентѣ* въ малолѣтство Игоря.

Поставивъ вопросъ о правѣ лицъ женскаго пола занимать престолъ, авторъ указалъ (аналогически) на Софью Алексѣевну, которая узурпировала власть, и не указалъ на Елену Глинскую, которой власть досталась законно—(хотя ни та, ни другая не была государями въ тѣсномъ смыслѣ).

Этимъ закончимъ рѣчь о преемствѣ власти.

Въ ученіи *о правахъ верховной власти* или правильнѣе—о самодержавіи—авторъ, какъ мы сказали, смѣшиваетъ права верховной власти съ правами лицъ, облеченныхъ верховною властію. Здѣсь для Московскаго періода представляется весьма спорнымъ вопросъ „о церковномъ главенствѣ“ Московскаго государя. Если не ошибаемся, эта мысль принадлежитъ самому г. Загоскину и мы оставляемъ ее на его отвѣтственности, замѣтивъ только, что такое важное научное положеніе требовало иной аргументаціи, чѣмъ какую мы находимъ на стр. 140 и слѣд.

Страннымъ представляется также, что неограниченность власти авторъ уясняетъ „отношеніями ея къ *Боярской думѣ и къ боярамъ*. Это, конечно, одно и тоже; но такъ стоитъ у него въ заголовкахъ, хотя въ текстѣ онъ говоритъ объ отношеніи къ *служилымъ людямъ*, что уже совсѣмъ не одно и тоже. И почему берется только отношеніе къ служилому классу? Считаемъ нелишнимъ указать, что вообще права верховной власти опредѣляются отношеніями къ территоріи государства (къ праву распоряженія его, о чемъ и не упоминаетъ авторъ, т. е. вовсе не говоритъ о вотчинномъ характерѣ власти) къ населенію (о чемъ онъ говоритъ лишь словами Герберштейна) и къ самой власти (къ праву отказа отъ власти, замѣщенія, какое напр. произвелъ Иванъ IV, назначивъ вмѣсто себя царемъ Симеона Бекбулатовича, къ праву передачи ея).

Историческія ступени самодержавія авторъ старается указать, какъ мы видѣли, въ своей внѣшней исторіи права, но тамъ, мы знаемъ уже, онъ смѣшиваетъ исторію самодержавной власти съ исторіею образованія Московскаго государства подъ общимъ неопредѣленнымъ названіемъ Московской централизаціи.

Наконецъ третій существенный вопросъ *о составѣ* верховной власти, въ частности въ Московскомъ государствѣ—о монархической

формѣ ея вовсе не выдѣленъ г. Загоскинымъ изъ прочихъ вопросовъ. Отсутствіе исторіи монархическаго начала въ книгѣ нашего автора было причиною, почему въ ней вовсе нѣтъ рѣчи объ удѣльныхъ князьяхъ и ихъ правахъ, какъ въ отношеніи къ великому князю, такъ и въ отношеніи къ ихъ удѣламъ. Если даже начать Московскій періодъ, по указанію автора, съ 1462 г., и въ такомъ случаѣ для подобнаго вопроса было бы значительное мѣсто въ исторіи Московскаго права. Но мы знаемъ, что авторъ самъ колеблется, куда отнести эпоху XIV—XV вѣковъ и въ изложеніи „сущности“ и преемства верховной власти постоянно отступаетъ за черту 1462 г. въ ту неопредѣленную и т. ск. запасную область. Если же признать, какъ и нужно, что эта эпоха есть существенная часть Московскаго періода, то опущеніе вопроса объ удѣльныхъ князьяхъ есть крайне серьезный пробѣлъ въ курсѣ. Затѣмъ указанный выше фактъ соправительства наслѣдника правящему Государю не могъ бы быть пропущенъ совсѣмъ нашимъ авторомъ. Наконецъ возможность двухъ соправителей—въ точномъ смыслѣ, двухъ царей одновременно, хотя проявилась лишь въ единичномъ фактѣ (при Іоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ), заслуживала уясненія въ курсѣ, столь подробномъ въ другихъ своихъ частяхъ.

Во всякомъ случаѣ въ исторіи права эти вопросы должны считаться важнѣе исторіи регалій, титула, герба и государственной печати, которымъ г. Загоскинъ посвящаетъ столько страницъ (184—206). Мы не отвергаемъ полезности и этихъ указаній, особенно же *исторіи титула*; но онѣ должны быть изложены въ связи съ исторіею источниковъ, состава и правъ верховной власти, а не ради самаго титула или герба. Напр. автору не мѣшало бы остановиться на общеизвѣстномъ различіи титула власти, принятаго въ первомъ періодѣ—„господинъ“ и новаго—„Государь“. Не даромъ споръ объ этихъ титулахъ между Новгородомъ и Іоанномъ III подалъ поводъ къ уничтоженію независимости Новгорода; здѣсь подводились послѣдніе итоги къ явленіямъ вѣчевой эпохи и заявлялись уже сложившіяся понятія новаго порядка вещей. По этому не мѣшало бы г. Загоскину уяснить значеніе вотчиннаго термина „государь“ въ противоположность древнему. Онъ же ограничивается только указаніемъ времени, когда этотъ титулъ принятъ оффиціально (стр. 186).

Еще нужнѣе было остановиться на происхожденіи и значеніи титула „Царь“; почему современники были такъ заинтересованы принятіемъ этого титула Грознымъ и притомъ въ равной мѣрѣ какъ граждане,

такъ и иностранцы? Почему сосѣднія державы, особенно же Польша такъ долго противились признать этотъ титулъ? Соединяли же первые съ этимъ титуломъ какую либо опредѣленную идею объ объемѣ власти, а вторые о международномъ значеніи титула.

Наконецъ изъ исторіи титула надо было отдѣлить самый важный вопросъ—*о религіозномъ источникѣ* власти.

Обо всемъ этомъ авторъ говоритъ только вскользь, будучи занятъ собственно исторіею титула, т. е. временемъ внесенія въ него тѣхъ или другихъ терминовъ.

Появившійся нынѣ выпускъ „Исторіи права Московскаго Государства“ заканчивается большою главою о земскихъ соборахъ, которая составляетъ почти половину всего выпуска (стр. 207—344). Это не только самая большая, но безъ сомнѣнія и самая цѣнная часть книги; въ ней собранъ почти весь извѣстный нынѣ матеріалъ для исторіи земскихъ соборовъ; въ ней же болѣе замѣтны слѣды нѣкоторой самостоятельности автора въ выводахъ. Впрочемъ это послѣднее замѣчаніе относится только къ первой половинѣ главы, собственно исторической, гдѣ авторъ разсказываетъ исторію земскихъ соборовъ въ хронологической послѣдовательности, хотя нельзя сказать, чтобы и здѣсь авторъ не находился подъ вліяніемъ извѣстной „рѣчи“ И. Д. Бѣляева. Вторая же половина, собственно юридическая (внутренняя организація соборовъ и ихъ значеніе) составлена подъ преобладающимъ вліяніемъ извѣстной статьи В. И. Сергѣевича (въ Сборникѣ госуд. знаній, т. III). Дѣлаемъ это замѣчаніе не потому, чтобы находили что-либо предосудительное въ пользованіи автора трудами своихъ предшественниковъ. Напротивъ; сама по себѣ эта черта весьма почтенная; русская наука отъ того долго и не шла впередъ, что каждый новый дѣятель предполагалъ за собою пустоту и потому начиналъ дѣло сначала, достигая при добросовѣстныхъ усиліяхъ нерѣдко результатовъ гораздо меньшихъ, чѣмъ тѣ, какіе уже были получены до него. Мы указываемъ на это потому, что, пользуясь прежними изслѣдованіями, выводы которыхъ нерѣдко противоположны, нужно или согласить ихъ, или выбрать одно. Въ данномъ случаѣ изслѣдованія Ив. Д. Бѣляева и В. И. Сергѣевича во многихъ пунктахъ приходятъ къ противоположнымъ заключеніямъ, слѣды которыхъ можно отыскать и въ „Исторіи права Московскаго Государства“, на разныхъ страницахъ (иногда очень близкихъ одна къ другой) разсматриваемой послѣдней главы. Напр. на стр. 339—340 г. Загоскинъ, обозрѣвъ вопросъ *о значеніи земскихъ соборовъ*, заключаетъ дѣло такъ:

„И такъ, вполнѣ яснымъ и безспорнымъ представляется то положеніе, что Московскіе земскіе соборы не имѣли верховной государственной власти (т. е. надо было сказать: не входили въ составъ ея), не имѣли значенія *ограничительнаго*, но имѣли значеніе *исключительно совѣщательное*, вспомогательное". А немного выше (стр. 337) онъ же приводитъ въ доказательство этой своей мысли слѣдующія слова В. И. Сергѣевича: „Едвали можно сомнѣваться, что значеніе Московскихъ соборовъ не исчерпывается понятіемъ совѣщательнаго учрежденія; оно идетъ далѣе, хотя никакой указъ формально не признавалъ за ними того положенія, которымъ въ дѣйствительности они пользовались". И такъ В. И. Сергѣевичъ признаетъ, что значеніе земскихъ соборовъ было выше совѣщательнаго; г. Загоскинъ вполнѣ соглашается съ нимъ; но тотчасъ заключаетъ, что соборы „имѣли значеніе исключительно—совѣщательное".

Очевидно мысль И. Д. Бѣляева никакъ не могла приладиться къ мысли В. И. Сергѣевича.

Мы не будемъ болѣе распространяться о томъ, съ чѣмъ нельзя согласиться въ главѣ о земскихъ соборахъ; ссылаемся на тѣ замѣтки, которыя были сдѣланы нами по поводу изслѣдованія В. И. Сергѣевича о земскихъ соборахъ (см. Кіев. Университ. Извѣстія 1875 г. окт.), такъ какъ многое, что сказано тамъ, относится и къ г. Загоскину въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ его мысль солидарна съ выводами В. И. Сергѣевича.

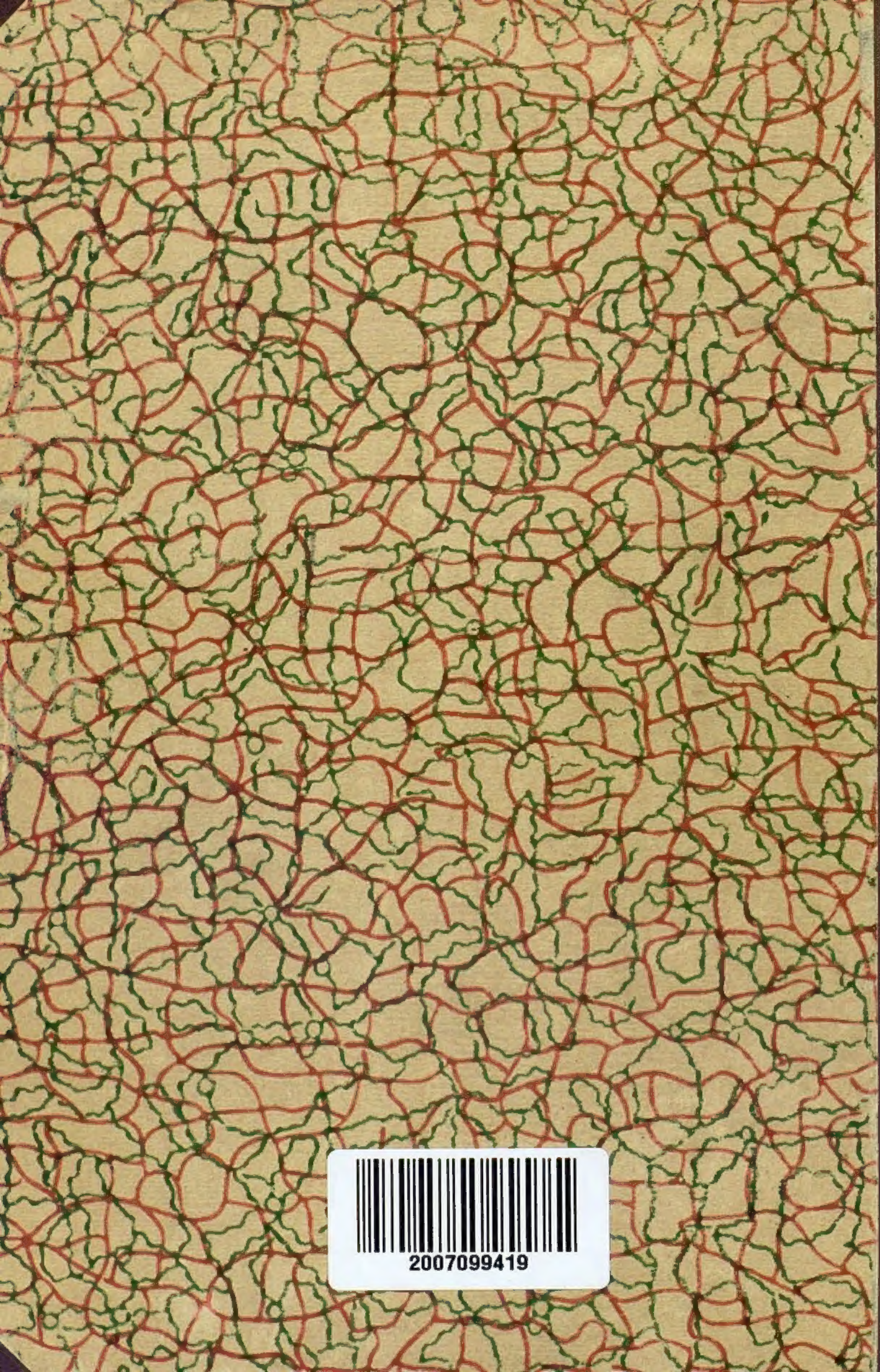
Послѣднее замѣчаніе, касающееся главы о земскихъ соборахъ, пусть будетъ и общею оцѣнкою „внутренней исторіи права Московскаго Государства", на сколько обнаружились ея свойства въ изданной нынѣ части.

Читатель, встрѣтивши въ предыдущихъ замѣткахъ только поправки къ книгѣ г. Загоскина, можетъ подумать, что вся книга состоитъ изъ положеній, требующихъ поправки. Напротивъ, съ своей точки зрѣнія авторъ представилъ почти полный сводъ всего, сдѣланнаго до него по избранному предмету; факты сгруппированы ясно и вполнѣ отчетливо (чему помогъ избранный имъ методъ крайняго отвлеченія юридическихъ нормъ); соотвѣтственно съ этимъ изложеніе его отличается опредѣленностью и точностію; цитаты его почти не нуждаются въ провѣркѣ. Въ силу этого, его книга въ рукахъ опытнаго преподавателя, становится цѣннымъ руководствомъ для учащихся. Вполнѣ надѣемся, что авторъ не замедлитъ выпустить остальныя части „исторіи права Московскаго государства".

М. В. Вудановъ.

Кіевъ, 30 августа 1877 г.

Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій 1877 г.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета св. Владиміра.
Въ университетской типографіи.


2007099419